

193). Касаясь песенного творчества, Т. Ф. Аристова пишет: «В настоящее время наряду с минорными существуют песни мажорные. В отличие от прошлого народ стал исполнять и песни коллективные» (стр. 200). Думается, что в данном вопросе нет достаточных оснований искать качественное отличие настоящего от прошлого.

Может быть, одной из причин того, что автору не всегда правильно и убедительно удается увязать материал исторический и современный, является недостаточная разработанность проблемы о пережиточных формах и институтах у курдов. О пережитках в книге говорится часто, но как правило, в общей форме, без анализа их сущности. Создается впечатление, что автор не всегда представляет себе, насколько укоренились пережиточные формы у современных закавказских курдов, какую роль они играют и каковы перспективы их исчезновения. Эта проблема, актуальная и для других в прошлом отсталых народов нашей страны, нуждается в дальнейшей разработке.

Хочется сделать Т. Ф. Аристовой еще один упрек, очевидно, косвенно связанный с вышесказанным. Он относится главным образом к двум последним главам, трагующим вопросы социального и культурного прогресса советских курдов. Автор отобрал выразительный материал, характеризующий замечательные достижения советских курдов в этих областях. Это хорошо. Хуже, что в указанных главах автор часто сбивается на панегирическое перечисление фактов без попытки какого бы то ни было анализа. В книге правильно показано, что при советском строе курды сохранили свои национальные черты, приумножили накопленные веками духовные ценности. Это, однако, не освобождает исследователя от необходимости сравнивать, а также отмечать имеющиеся теневые стороны в их быте и сознании. К сожалению, и в рецензируемой книге заметно влияние неверной традиции рисовать современный быт народов нашей страны только розовой краской.

Не свободна книга от некоторых трюизмов и наивных пассажей. Приведем ряд примеров:

«Среди пещерных жилищ можно выделить пещеры искусственные и естественные. Искусственные пещеры либо создавались в мягких горных породах, либо выкапывались в толще лёсса. К естественным пещерам принадлежали большие по размерам глубокие пустоты» (стр. 88). Это звучит весьма «научно», но пригодно скорее для толкового словаря.

«...Некоторые традиционные обрядовые действия во время различных семейных праздников... могут стать составной частью развлечений молодежи во время советских праздников» (стр. 177). Если это рекомендация, то хотелось бы знать, следует ли ей сама курдская молодежь.

«Свободное время колхозники проводят в сельских клубах, избах-читальнях, где обсуждают насущные вопросы общественной жизни. В клубах односельчане собираются реже — во время комсомольских свадеб, колхозных заседаний..., больших праздников» (стр. 187—188). Неясно, во-первых, различие между клубами и сельскими клубами, а, во-вторых, все ли колхозники именно так проводят свое свободное время, как констатирует автор, или, может быть, часть из них посвящают свой досуг отдыху или домашним делам. Можно найти в книге и другие неудачные или неточные выражения и примеры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что перечисленные недостатки и погрешности (некоторые из них в какой-то степени характерны и для других работ на сходную тему) не умаляют положительную оценку рецензируемой книги. Следует учесть, что автору первой советской сводной этнографической работы по закавказским курдам приходилось преодолевать значительные трудности и часто идти неизведанными путями. Не вызывает сомнений, что Т. Ф. Аристова, несмотря на известные недочеты, в конечном итоге добилась успеха. Особо надо отметить отличное внешнее оформление книги, повышающее интерес читателя к ней. Хочется надеяться, что монография Т. Ф. Аристовой «Курды Закавказья», представляющая собой вклад в курдоведение и в этнографическую науку вообще, послужит основой для дальнейшей разработки темы.

М. С. Лазарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

П. И. Борисковский. *Первобытное прошлое Вьетнама*. М.—Л., 1966.

Книга известного исследователя палеолита и древнейшего прошлого человечества, П. И. Борисковского, посвященная первобытным культурам Вьетнама, вышла в свет в те дни, когда взоры людей во всем мире обращены к народу Вьетнама, к его борьбе против американского империализма.

В ней раскрываются замечательные страницы прошлого этого народа и его страны, отчетливо вырисовывается вклад обитателей Вьетнама в мировую культуру и всемирную историю человечества. Автор книги выступает при этом не как бесстрастный

свидетель прошлого, но и как искренний друг вьетнамцев. Страницы и главы, в которых рассказывается о далеком прошлом, о мертвых археологических памятниках былой истории Вьетнама, перемежаются с живыми рассказами о современном Вьетнаме.

Особенность книги П. И. Борисковского в том, что написана она не только по литературным источникам, но и по собственным полевым наблюдениям. Автору книги посчастливилось провести более года во Вьетнаме и активно участвовать не только в археологических исследованиях, но и в воспитании национальных кадров молодых археологов нового социалистического Вьетнама. Его ученики продолжают теперь свою работу по изучению прошлого Вьетнама, используя щедро переданный им их советским учителем научно-методический и методологический опыт советской археологической школы.

Значение этой книги состоит еще и в том, что до сих пор в нашем распоряжении не было обобщающего труда, в котором можно было бы получить полное представление о первобытной истории этой страны, где издавна протекал сложный и насыщенный важными историческими событиями культурно-исторический процесс, где сталкивались друг с другом различные по происхождению культуры, где вызревали самобытные культурные очаги: недаром Вьетнам лежит между Восточной и Южной Азией, на морском пути из Индии в Китай, из глубин азиатского материка в страны Южных морей — в Индонезию и Полинезию, а также в далекую Австралию.

Характерной чертой советской археологии на современном этапе ее развития является, на мой взгляд, укрепление контактов с другими науками, прежде всего с этнографией и антропологией, а также с естественными науками. И вторая характерная черта — все возрастающий интерес к культурам других стран, как далеких, так и близких, резкое расширение географического и культурно-исторического кругозора нашей науки в целом. Этой потребности в знании того, что происходило в мире далекого прошлого всего земного шара, удовлетворяет и книга П. И. Борисковского. Редактор ее, Г. Г. Стратанович, справедливо пишет в своем вступительном слове, что читатель-специалист в области истории Юго-Восточной Азии получает с выходом в свет книги П. И. Борисковского первый на русском языке обзор основных достижений в археологии каменного века всей этой обширной историко-этнографической области. Можно только добавить, что книга эта интересна не только для специалиста в области истории и археологии, но и для широкого круга советских читателей: она насыщена интереснейшими фактами, написана простым и живым языком, в полной мере заслуживает названия научно-популярной книги. Достоинством книги с этой точки зрения является не только ее простой и доходчивый язык, не только живость изложения — особенно в тех местах, где автор делится с читателем повседневными зарисовками своей вьетнамской жизни и работы с вьетнамскими коллегами. Не менее важен тот широкий общий фон, на котором развертывается основное повествование о древних культурах этой замечательной страны.

Книга начинается рассказом о природной среде Вьетнама. Описание страны и ее природы находится в определенном соответствии с историей культуры. Нельзя не согласиться, в частности, с мыслью автора о том особом значении для развития техники племен каменного века на территории Вьетнама, которое имел здесь бамбук и, отчасти, обилие раковин. Мысль эта не нова, ее так или иначе высказывали и другие авторы, в том числе и автор данной рецензии — в связи с особенностями каменного инвентаря неолитических и более поздних поселений нашего Приморья. Но П. И. Борисковский развил это положение наиболее систематично и широко. Он вполне справедливо подчеркивает также, что наряду с бамбуком весьма важную роль в технике первобытного населения Юго-Восточной Азии играли и другие древесные породы, отличающиеся повышенной твердостью и плотностью, а вместе с ними и ротанг, лианоподобная пальма, гибкие и прочные стебли которой в расплюсненном виде с успехом служили для скрепления.

Далее следует обстоятельный очерк истории археологических исследований на территории Вьетнама, начиная с народных представлений о «громовых стрелах» и отдельных сведениях из летописей династий Ли (XIII в.), Ле (XVII—XVIII вв.) и Нгуен (XIX в.).

Особое внимание автор уделяет, по вполне понятным причинам, тому разделу истории археологических исследований во Вьетнаме, который посвящен работам молодой национальной археологической школы, пользующейся щедрой поддержкой государства и народа и строящей свои исследования на идейной основе марксизма-ленинизма.

В третьей главе рассматривается вопрос о палеолите. В центре ее — описание интереснейших находок на горе До, своеобразным вступлением к анализу которых служит рассказ о жизни вьетнамской деревни, о бытовом распорядке живого свайного поселка нашего времени в джунглях. На склонах этой горы, возвышающейся над рисовыми полями, обнаружено более 1500 кусков базальта, расколотых древними людьми. Как полагает П. И. Борисковский, эти изделия принадлежат весьма раннему времени — эпохе нижнего палеолита, следы которой впервые констатируются для Вьетнама. Среди них, кроме 1500 отщепов, имеется два ручных рубила (оба они изображены на

превосходных рисунках, помещенных в книге), свыше 10 грубых рубящих орудий, более 20 топоровидных орудий, свыше 40 нуклеусов. Как отмечает П. И. Борисковский, находки каменных изделий на горе До резко выделяются на фоне всех остальных памятников каменного века Вьетнама и соседних областей Юго-Восточной Азии своей примитивностью. Они существенно отличны, в частности, от находок на неолитической мастерской Донг-Кхой, расположенной всего лишь в 4 км от горы До, где материалом для изготовления каменных орудий также служил базальт. Однако датировка комплекса базальтовых изделий с горы До осложняется тем, что они собраны на поверхности, среди «огромного количества глыб, кусков и осколков базальта, не носящих следов обработки». Здесь нет древней фауны, которая имеет решающее значение для определения истинного возраста изделий из камня. Выраженная и бесспорная архаичность основного материала из этого комплекса отщепов может объясняться тем, что здесь производилась заготовка первичного сырья для дальнейшей обработки, а также грубостью самого минерального сырья. Базальт — далеко не первоклассное сырье для работы мастеров каменного века. Что же касается типологического облика нуклеусов и рубил, то относить их к шелльскому времени (по западным типологическим нормам) затруднительно. Особенно необычны «грубые рубящие орудия». Да и самих этих изделий слишком мало для того, чтобы строить на них общий окончательный вывод о столь глубокой древности этого интересного памятника. При всем том остается бесспорным общий вывод, что на горе До обнаружен весьма древний памятник. Вероятно, дальнейшие исследования помогут окончательно выяснить проблему его датировки. Существенно и то, как показано на стр. 71, что на территории Вьетнама имеется «зияющий разрыв» между предполагаемым нижним палеолитом горы До и мезолитом, представленным яркими и многочисленными памятниками. Не исключено, что и находки на горе До принадлежат времени, предшествующему мезолиту и, в таком случае, в них и следует искать истоки своеобразного вьетнамского мезолита. Это будет в полной мере соответствовать утверждению самого П. И. Борисковского о том, что здесь не было резких переломов в развитии первобытной техники.

Эта мысль, кстати, напоминает нам и о том, что такой же постепенный переход от палеолита к более поздним ступеням каменного века наблюдается в Сибири. И нечто подобное мы видим также в Центральной Азии, в Монголии, где очевидно прямая преемственность от весьма ранних памятников каменного века к более поздним: в основе такой преемственной связи там лежит традиция леваллуазской техники, с одной стороны, а с другой — галечной техники, чопперов и чоппингов.

Весьма детально и тщательно изложены П. И. Борисковским данные по мезолиту Вьетнама, описаны памятники характерно вьетнамской культуры Хоабинь, многочисленные пещеры (свыше 70), расположенные в известняковых массивах. Читатель может получить из раздела, посвященного хоабиньским культурам, наиболее полное представление о типологии оригинальных каменных изделий этого времени, а также о способе их употребления древним человеком. П. И. Борисковский впервые широко применил к анализу этих вещей разработанный в нашей науке способ определения их функций трассеологическим путем, изучением следов употребления при помощи бинокулярной лупы. Это были, как он пишет, орудия, необходимые жителям первобытного леса, чтобы прорубаться сквозь чащу, рубить и обрабатывать бамбук, дерево, лианы, выделывать орудия труда и домашнюю утварь. Однако следы употребления на хоабиньских орудиях заметны слабо. Отсюда следует вывод, что каменные рубящие орудия использовались не очень интенсивно. Конкурентами их были изделия из бамбука, а кроме того, при изобилии галек люди не очень дорожили сделанными из них орудиями и выбрасывали их без сожаления. Как бы то ни было, сам по себе факт широкого употребления галечных орудий в хоабиньской культуре замечателен: галечная техника и галечный инвентарь составляют весьма бросающую и определяющую черту этой культуры: ни в какой другой культуре мезолитического времени других больших культурно-исторических ареалов, например, Европы или Африки, оббитые изделия из галек в таком количестве и в таких своеобразных формах не встречаются.

Здесь можно провести аналогию с нашим Дальним Востоком, где в мезолите и в начале раннего неолита обнаруживается такое же изобилие каменных крупных орудий, изготовленных из целых речных галек. Более того, эти орудия даже по форме и технике обработки нередко ближайшим образом напоминают отесанные гальки из хоабиньских пещер. Таковы, например, десятки подобных изделий из поселений на берегу Амура вблизи Хабаровска и, пожалуй, даже еще более многочисленные загадочные орудия, найденные в неолитическом поселении в устье р. Громатухи, притока р. Зеи. Громатухинская культура на р. Зее и та культура, которая представлена родственными находками у Хабаровска, представляют в этом отношении удивительную аналогию хоабиньской культуре Вьетнама. И столь же интересно совпадение между теми образцами древнейшего искусства Вьетнама, которые представлены «гравированными изображениями человеческих лиц» на стене хоабиньского грота Донг-ной, опубликованными Колани, с одной стороны и, с другой, петроглифами Амура. Кто знает, не были ли связаны в каменном веке древнейшие культуры Вьетнама и нашего Приамурья какими-то еще неизвестными нам культурно-историческими контактами?

Столь же тщательно и подробно изложены далее материалы по неолиту Вьетнама. Это, прежде всего, та культура, которая считается самой ранней здесь неолитической культурой, названная по горному массиву Бакшон. Речь идет о двух важнейших памятниках бакшонской культуры, пещерах Фо Бинь-зя и гроте Кео-фай, широко известных в археологической литературе. Дана общая характеристика каменных изделий и керамики (кстати сказать, вовсе не столь архаичной, чтобы ее можно было считать, подлинно первобытной и изначальной). Весьма интересна оригинальная интерпретация так называемых «бакшонских знаков», предложенная С. А. Семеновым, который видит в них не полировальники для орудий, а абразивы, на которых затачивали небольшие желобчатые долотца из кости.

Следующий этап культурной истории Вьетнама представлен раковинными кучами, которые оставлены уже не охотниками и собирателями, а неолитическими земледельцами, о чем свидетельствуют найденные в таких раковинных кучах зернотерки. Если эти кучи принадлежат по классификации автора еще раннему неолиту, то другие памятники, в том числе уже упоминавшаяся выше мастерская для изготовления каменных орудий (Донг-кхой), дает представление о «среднем неолите». Обширную и богатую группу памятников каменного века Вьетнама представляют поздненеолитические поселения, в том числе пещерные и раковинные кучи. Теперь исчезают прежние галечные орудия и широко распространяются превосходно отшлифованные каменные тесла и топоры — прямоугольные, трапециевидные и треугольные по очертаниям. Особенно интересны здесь характерные топоры или мотыжки с плечиками. Они, как справедливо отмечает П. И. Борисковский, характерны для всего неолита Юго-Восточной Азии. И можно добавить — для более северных областей Азии, вплоть до нашего Приморья и долины Уссури, где последним пунктом, в котором они представлены в изобилии, является село Казакевичево, неподалеку от Хабаровска. Не менее интересно, что «особенностью позднего неолита и энеолита Вьетнама является редкость обыкновенных нешлифованных каменных орудий-пластинок, ножей, скребков, проколов, топориков, кинжалов, наконецников копий и стрел». Эта особенность в значительной мере характерна и для поздних этапов дальневосточного неолита, где широко распространяются взамен оббитых кремневых изделий шлифованные из шифера: кульминационным моментом этого процесса является у нас на Дальнем Востоке время культуры раковинных куч или, как в последнее время мы условились называть ее — сидеминской культуры. Что касается последней, то чем дальше идет развитие культуры на территории Вьетнама, тем больше находим мы в ней общих черт с нашим Дальним Востоком.

Как показано в сводке П. И. Борисковского, в таком интереснейшем местонахождении, как раковинная куча Бау Чо, имеются шлифованные топоры прямоугольных или трапециевидных очертаний, а также топоры с плечиками. Их сопровождают сосуды, украшенные полосами, нанесенными краской, охрой. Там же встречаются обломки сосудов типа кубков на высокой ножке. Со временем, в «энеолите», такие сосуды с поддонами распространяются еще больше — они становятся обычными в материале стоянок. Очень интересно и появление «миниатюрного, тщательно отшлифованного каменного кинжала с черешком», представляющего имитацию бронзового оригинала. Украшения в это время представлены «браслетами» и цилиндрическими бусами — пронизками из камня.

В заключение описывается одно из самых знаменитых в археологической литературе по древнейшим памятникам области поселение Сомрон-Сен. Интересно, что в богатой керамике этого поселения, явно лежащего уже в пределах того времени, когда население Вьетнама, по-видимому, достаточно широко знало металл, имеются новые орнаментальные мотивы: меандр в различных и весьма сложных уже его вариациях, спирали, крестовидные фигуры. И опять-таки весь этот характерный набор каменных изделий, формы и узоры на глиняных сосудах памятников типа Бау Чо и Сомрон-Сен совершенно очевидным образом «переключаются» с материалами позднейших поселений нашего Приморья, содержащих орудия из камня типа раковинных куч.

Последняя глава книги посвящена проблемам древней этнической истории Вьетнама. В ней критически рассматриваются широко известные построения французских исследователей, а также крупнейшего исследователя древних культур Юго-Восточной Азии, Гейне-Гельдерна, «широкие построения» которого «произвели сильное впечатление и оказали влияние на многих исследователей». П. И. Борисковский, несомненно прав, когда вполне обоснованно критикует схемы Гейне-Гельдерна за их умозрительный характер и считает, что главная задача в области изучения древнейшей истории Юго-Восточной Азии заключается в более глубоком анализе конкретной исторической обстановки — техники, хозяйства, этнических общностей прошлого. Вместе с тем очевидно и то, что более глубокое понимание культурно-исторического процесса должно способствовать выяснению конкретного взаимодействия древних этнических групп — в том числе культурных контактов, влияний и перемещений древних племен и народностей — «политической истории» того времени. И тогда, очевидно, станут более ясными и те совпадения между древними культурами далекой Юго-Восточной Азии и нашего Дальнего Востока, о которых говорилось выше. Во всяком случае, ясно, что культурно-исторический путь этих областей Азии был весьма сложным, значительно

более богатым, чем это казалось полвека назад тому же Гейне-Гельдерну, пионеру в изучении этнической истории юго-востока азиатского материка и соседних стран южных морей.

Следует заметить, что ценность превосходной новой сводки П. И. Борисковского еще более увеличивается приложенной к ней таблицей хронологии каменного века Вьетнама, транскрипцией названий вьетнамских географических пунктов и районов и археологических памятников, а также имен вьетнамских исследователей. Эти приложения послужат руководящими указаниями для всех, кто так или иначе будет затрагивать проблемы вьетнамской археологии. К работе приложена также интересная статья С. А. Семенова о назначении каменных орудий из Вьетнама и список литературы; в последнем, кроме первой в нашей литературе статьи по археологии Вьетнама, написанной С. А. Семеновым, упомянуты также и две работы самого П. И. Борисковского, изданные в Ханое на вьетнамском языке — это признание его заслуг перед молодой вьетнамской археологической наукой.

В целом же нужно признать, что наша археологическая литература обогатилась новой ценной книгой, удачно сочетающей качества научного труда с популярной в лучшем смысле этого слова формой. Книга П. И. Борисковского станет настольной книгой для каждого, кого интересует прошлое народов Юго-Восточной Азии и всемирной археологии.

А. П. Окладников

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan. «National Museum of Canada», Bulletin, № 209, Ottawa, 1965, стр. 133.

За последние 10—15 лет все большее число исследований этнографов США и Канады посвящается изучению изменений, происшедших в жизни и культуре американских индейцев под воздействием капитализма. Эти изменения в американской этнографической литературе именуются процессами аккультурации. В работах этноисториков они прослеживаются с наибольшей исторической глубиной, охватывая период с колониальной эпохи до наших дней. Такие исследования выгодно отличаются от монографических описаний отдельных племен и групп племен представителями исторической школы в американской этнографии, пытавшимися, как известно, реконструировать на основе лишь непосредственных этнографических наблюдений древний «аборигенный» образ жизни индейцев. Естественным следствием их подхода были статичность и презентизм в толковании наблюдаемых явлений. В этих монографиях игнорировался тот основной факт, что индейцы XIX—XX вв. были уже составной частью капиталистического общества. В них либо игнорировались, либо архаизировались современные черты и особенности в жизни индейцев, сложившиеся под воздействием капиталистических производственных отношений.

Рецензируемая книга американского ученого Дж. Ван-Стоуна принадлежит к первому типу исследований. Она является обобщением результатов стационарного изучения автором одной из общин атапаскского племени чипевайев, расселенного в районе бассейна р. Макензи к юго-востоку от Большого Невольничьего Озера на севере Канады. Работа Дж. Ван-Стоуна выполнена в соответствии с программой исследований изменений в быту индейцев звероловов-охотников канадской тайги, осуществляемой Торонтским университетом. В этом же плане изучали индейские общины племени невольников Дж. Хелм, Н. Лури, Дж. Хонигманн.

Их работы показали различную степень проникновения элементов капиталистической культуры в быт индейцев в зависимости от истории колонизации отдельных районов американского Севера. Одни индейские общины подверглись более глубоким влияниям развивающихся на их землях горной промышленности и коммерческого рыболовства. Другие, оказавшись в некоторой изоляции, продолжали вести ставшее уже традиционным промыслово-охотничье хозяйство, имея «меньший доступ, — по словам автора, — к образованию и другим аспектам городской культуры» (стр. XIII). Изучавшаяся Дж. Ван-Стоуном чипевайская деревня Сноудрифт на юго-восточном берегу Большого Невольничьего Озера характеризуется им как типичная община второго типа, т. е. как община, наиболее изолированная в бассейне р. Макензи — Большого Невольничьего Озера. Автор прожил в этой деревне 28 недель в 1960—1962 гг. и собрал интересные материалы о современной жизни индейцев и о сущности их общины.

Работа его состоит из восьми глав и заключения. Две первые главы посвящены географии района и истории расселения чипевайев. Приводимый автором материал говорит о движении этой группы атапасков с запада и сравнительно позднем (конце XVIII—XIX вв.) появлении их в районе к востоку от р. Макензи, характеризовавшемся в прежних этнографических описаниях как исконный район обитания чипевайев. Автор убедительно показывает рост зависимости расселения индейцев от локализации торго-